

М. М. Теобальд

**Литовско-языческие
очерки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
М11

М11 **М. М. Теобальд**
Литовско-языческие очерки / М. М. Теобальд – М.: Книга по Требованию,
2021. – 200 с.

ISBN 978-5-518-07103-2

ISBN 978-5-518-07103-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Сочиненіе иллюстрировано множеством рисунковъ и чертежей *).

Появится ли когда-нибудь въ печати этотъ колоссальный трудъ—Богу извѣстно. Но для ознакомленія съ нимъ просвѣщенной части общества, помѣщая въ настоящемъ Сборникѣ тѣ статьи, которыя одновременно были напечатаны въ „Вилевскомъ Вѣстникѣ“. По нимъ можно сдѣлать заключеніе о достоинствахъ или недостаткахъ пѣлаго сочиненія.

Шевальевъ.

*) Оно поднесено мною въ даръ Императорской Академіи Наукъ.

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>стр.</i>
I. Загробная жизнь по литовско-языческимъ представленіямъ	9
II. Народное творчество	16
III. Древне-литовскія повѣрья: 1) Аистъ, 2) Кукушка, 3) Соловей, 4) Сова, 5) Воронъ. 6) Гусь. 7) Собака, 8) Волкъ, 9) Медвѣдь, 10) Конь, 11) Повѣрья о горахъ.	27
IV. Всемирный Потопъ, по тремъ сказаніямъ .	56
V. Аушлявисъ (Жалтисъ). богъ врачеванія	63
VI. Праурима. богиня, огня	73
VII. Ніола. жена Поклуса, бога ада	79
VIII. Упина, богиня рѣкъ	82
IX. Гульби, гений—покровитель челоуѣка . .	85
X. Литовско-языческіе погребальные обряды .	93
XI. Языческія священныя мѣста въ Вильнѣ .	108
XII. Гедиминова гора въ Вильнѣ	137
XIII. Алдисъ, легендарный богатырь въ гербѣ Вильны	146
XIV. Звичъ, мнимый священный огонь Литовскій	157
XV. Кривой городъ въ Вильнѣ	165
XVI. Загадочная смерть Кейстута	167
XVII. Воздушныя чудеса	181
XVIII. Хронографъ Іоанна Малалы въ виленской публичной библіотекѣ	190

I.

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ.

По литовско-языческимъ представлениямъ.

Мифологія—это поэзія. Она разрываетъ древнія могилы, вызываетъ изъ нихъ поэтическіе образы прошлаго и какъ изъ рога изобилія, сыплеть вѣру, вѣрованія и повѣрья народа, его предавія, легенды, пѣсни, сказки и другіе цвѣты народнаго творчества. Мифологія—это эпопея духовной жизни народа. Суровая исторія идетъ рука объ руку съ мифологіею, которая, съ своей стороны, вѣнчаетъ безстрастное чело ея своими перлами и цвѣтами. Безъ нея исторія была бы суха и безжизненна. Мифологія оживляла вѣщія струны скальдовъ, бардовъ, менестрелей, меннезингеровъ, трубадуровъ. Безъ мифологія не было бы поэзія. Она—мать поэзія.

Латовцы также имѣли своихъ народныхъ пѣвцовъ *Буртиниковъ*. Быть можетъ между ними были свои Осіянны, *Виргили*, *Гомеры*, *Данты*, но исторія именъ ихъ намъ не сохранила и показываетъ ихъ уже въ то время, когда они перестали быть гордостью и славою своего народа, когда искру небеснаго огня и поэтическія вдохновенія начали продавать на торжищахъ, когда поэзія ихъ была унижена до гаерства и служила лишь

для потѣхи дикой, невѣжественной толпы; словомъ, въ то время, когда поэты снизошли, за деньги, до званія простыхъ штукарей, фокусниковъ, знахарей, скомороховъ.

Самыя представленія литовскихъ язычниковъ о безсмертіи души и о загробной жизни были основаны на поэтическихъ воззрѣніяхъ. Но поэзія ихъ, по грубости нравовъ, сулила имъ въ будущемъ только идеализированныя потребности земной, матеріальной жизни. Ихъ рай, подобно раю Магомета, преобладалъ лишь наслажденіями чувственными. Жрецы общали за гробомъ людямъ добродѣтельнымъ: красавицъ, никогда не старѣющихся женъ, вкусныя кушанья, сладкіе напитки, лѣтомъ—бѣлую одежду, зимою—теплые тулупы, спокойный сонъ на мягкихъ ложахъ, неувядающую молодость и непоколебимое здоровье, постоянное веселье, пляски и игры; кромѣ того, всякая блаженная душа получала въ вѣчности сто новыхъ понятій, изъ которыхъ каждое открывало ему по сто новыхъ блаженствъ, неизвѣстныхъ на землѣ. За то преступныхъ, злыхъ и непослушныхъ жрецамъ людей ждали по смерти страшныя наказанія: боги отбирали у нихъ все, чѣмъ наслаждались они въ жизни, и низвергали ихъ въ *Прагарагъ* (адъ), гдѣ свирѣпый *Поклусъ* жестоко и вѣчно терзалъ ихъ и заставлялъ выть и стонать въ тысячахъ мукъ, безъ конца. (*Лука Давидъ*, ч. I, стр. 20 *Дусбургъ*, ч. III, гл. 5).

Литвины вѣровали, что различіе состояній, существующее на землѣ, сохранится и въ вѣчности. А потому они и были убѣждены, что князья и бояре будутъ князьями и боярами и по смерти, воины останутся воинами, ремесленники — ремесленниками, земледѣльцы — земледѣльцами и что за гробомъ каждый будетъ нуждаться въ томъ, что составляло при жизни необходимость его существованія. Поэтому, съ умершими князьями и знатными людьми сжигались на кострахъ рабы,

рабыни, лошади, собаки, соколы, драгоценности, одежды, броня, мечь, копьё, лукъ со стрѣлами, пращи и другіе предметы, которые любилъ покойникъ. Вѣрованіе это очень сходно съ индійскимъ, связаннымъ съ сожженіемъ вдовъ. Съ прославившими себя въ бояхъ героями сжигали нерѣдко и плѣнниковъ, какъ, напримеръ, съ тѣломъ Гедимины. Съ тѣлами же ремесленниковъ и земледѣльцевъ погребались разные ремесленные инструменты, лемеша отъ сохъ, топоры, посуда и другія орудія, которыми они зарабатывали себѣ при жизни хлѣбъ. (*Юцевичъ, стр. 286. Яроневичъ, ч. I, стр. 186, Нарбутъ, ч. I, стр. 383*).

Литовцы вѣрили, что гдѣ-то на Востокѣ существовала гора блаженства, *Анибѣль, Анибѣлицъ*, на которую когда то придетъ какой то всемогущій богъ, большій изъ всѣхъ боговъ, судить добрыхъ и злыхъ дѣла людскія, для чего и воссядетъ на этой горѣ, высочайшей, крутой, гладкой какъ стекло, на каковую гору души умершихъ могутъ взобраться и держаться на ней не иначе, какъ при помощи медвѣжьихъ или рысьихъ когтей. Поэтому, на костры и въ могилы клали означенные когти.

По этой причинѣ (*Нарб., стр. 355*), люди преклонныхъ лѣтъ не обрѣзывали собственныхъ ногтей, но запускали ихъ. Молодые же люди, когда стригли ихъ, то не выбрасывали, а кидали въ огонь, такъ какъ вѣрили, будто ногти пригодятся по смерти и ихъ со временемъ легко будетъ найти въ горнемъ пространствѣ, куда они будутъ занесены дымомъ. Но если бы ктонибудь разбрасывалъ свои ногти, то по смерти пришлось бы ему долго отыскивать ихъ, до тѣхъ поръ, покуда не напелъ бы послѣдняго обрѣзка, такъ какъ безъ нихъ онъ рѣшительно обойтись не могъ. Отсюда возникло повѣрье, будто тѣни умершихъ нерѣдко скитаются между домами и въ болѣе обширнѣе случаевъ замѣчаются на кучахъ мусора и сора, гдѣ онѣ какъ будто чего то ищутъ.

Бѣднякъ утѣшалъ себя тѣмъ, что онъ легче всякаго богача взберется на гору страшнаго суда. преддверію вѣчнаго блаженства, которымъ будетъ онъ наслаждаться въ кругу своихъ дѣдовъ, въ весельи и свободѣ и будетъ огражденъ отъ преслѣдованій русскихъ, поляковъ и нѣмцевъ и самъ начнетъ повелѣвать меченосцами

Чѣмъ человѣкъ былъ богаче, тѣмъ труднѣе было ему взобраться на *Анафілимъ*, потому что земныя богатства оглящали его душу; хотя же звѣринныя когти, оружіе, лошади и рабы и помогали душѣ подниматься на гору, однако, если она была грѣшна предъ богами, то на нее нападалъ жившій подъ горою драконъ *Вижунисъ*, отнималъ отъ нея все богатства и ее самое, наравнѣ съ душою какого нибудь грѣшника - бѣдняка, предавалъ на волю буйныхъ вѣтровъ, которые и уносили ее въ адъ.

Такимъ образомъ, Литовцы имѣли понятіе о *ратъ* и *адъ*. Первый, по ихъ мнѣнію, находился на небѣ (*Дунгусть*), далеко, на сѣверномъ концѣ „млечнаго (по-литовски „*млечьяго*“) пути“ Тамъ души праведныхъ пребывали въ жилищѣ боговъ, наслаждались бесѣдою съ ними и вмѣстѣ пили *Алусъ* (медь или пиво), этотъ безсмертный напитокъ боговъ, соответствующій древней амброзіи, малвазіи, нектару. Второй, т. е. адъ, находился въ преисподней, подъ землею.

Въ то же время вѣрили, что неизвѣстный богъ живетъ на *Дунгусть*, судить людей еще при жизни ихъ, а со смертію назначаетъ душамъ ихъ награды или наказанія.

Но вѣра въ безсмертіе души, при ученіяхъ религіи, исполненной заблужденій и суевѣрія, имѣла, какъ сказано выше, превратныя понятія о загробной жизни душъ. Непоколебимо убѣжденные въ награды или наказанія по смерти, Литовцы чрезвычайно заботились о будущей судьбѣ своей души, а потому умирающіе завѣщали всегда своимъ роднымъ, какъ можно строже исполнять

надъ ними всѣ обряды погребенія и въ особенности— ходатайствовать у жрецовъ, чтобы они приняли всѣ мѣры для проведенія души въ блаженную вѣчность. Воля умирающаго была исполняема съ строжайшею точностію, иначе, неисполнвшихъ ее ждало мищеніе боговъ, въ которомъ *Поклусъ* не замедлялъ показывать свою силу.

Вѣровали еще, что душа почившаго, тотчасъ послѣ похоронъ, проходила мимо жилища жреца и даже самаго верховнаго жреца, въ томъ видѣ, въ какомъ было погребено ея тѣло, давала ему знать о своемъ присутствіи, оставляя что нибудь изъ вещей, съ которыми оно было похоронено, или изображая на воротахъ жреца какой нибудь знакъ, руно или хотя зарубку оружіемъ. Въ такомъ случаѣ жрецы обладали возможностью спрашивать тѣнь, чего еще не доставало ей для пріобрѣтенія жизни вѣчной, и затѣмъ указывали ей и пути къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Родственники покойнаго ничего не щадили для жрецовъ за подобную услугу (*Нарб., стр. 384*).

Очевидно, подобныя вѣрованія возбуждали ненасытную жадность корыстолюбивыхъ жрецовъ, которымъ языческо-литовская религія и обязана своими темными сторонами и многими варварскими и отвратительными обрядами.

Но рядомъ съ этими представленіями въ литовскомъ народѣ уживалась и вѣра въ метемпсихозъ или переселеніе душъ въ новорождаемыя тѣла людей и даже прочихъ животныхъ. По *Нарбутту (стр. 383)*, Литовцы переняли это вѣрованіе отъ предковъ, индо-скиѣской отрасли (1). Слѣды этого вѣрованія, по свидѣтельству лѣтописца XIII столѣтія *Кадлубка* (кн. IV, стр. 19), сохранились и въ позднѣйшее время между простымъ народомъ, который вѣрилъ, будто душа младенца или челоуѣка безумнаго, какъ не пріобрѣтшая совершенства, необходимаго для вѣчной жизни, и потому не заслужив-

шая еще ни награды. ни наказанія, осуждена, впредь до новаго воцощенія, витать въ горнемъ пространствѣ по волѣ вѣтровъ.

Но современникъ Кадлубка, тевтонскій лѣтописецъ Дусбургъ, а съ нимъ и Стрыйковскій, писатель XVI столѣтія, о вѣрѣ въ метампсихозъ не упоминаютъ ни однимъ словомъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Литовцы и особенно Ятвяги вѣрили въ метампсихозъ только до XIII столѣтія, т. е. до большаго сближенія съ народами Европы.

Юцевичъ („Литва“. стр. 128) доказываетъ, что по народнымъ повѣрьямъ, душа злого человѣка переселяется въ нетопыря, который рождается въ могильныхъ склепахъ изъ мертвыхъ тѣлъ и живетъ 300 лѣтъ; по истеченіи же этого срока, снова переселяется въ человѣка и создаетъ изъ него уже честную и всѣми уважаемую личность. Оттого, будто бы, правнуки всегда бываютъ лучше своихъ прадѣдовъ.

Повѣрье въ переселеніе души въ нетопыря, безъ сомнѣнія, народилось уже въ христіанскую эпоху, наравнѣ съ существующими до нынѣ повѣрьями въ разныхъ оборотней.

Выше было сказано о тѣняхъ, скитающихся по смерти, для собранія обрѣзковъ собственныхъ ногтей. По суевѣрію народному, современному, впрочемъ, человѣчеству, тѣни бродили по свѣту не для одной только этой цѣли. Нѣкоторые старые скупцы, не желая, чтобы богатства ихъ доставались людямъ, остающимся въ живыхъ, и полагая, что сами будутъ пользоваться ими по смерти, зарывали свои сокровища въ землю, съ разными заклятіями и по смерти стерегли эти клады сами, въ образѣ разныхъ чудовищъ и злыхъ духовъ. Къ повѣрью этому даетъ поводъ неоднократная находка въ землѣ сосудовъ съ древними монетами, такъ называемые „дающіеся клады“. Въ народной демонологіи есть много

средствъ для отысканія кладовъ и овладѣнiя ими, но набожный Литовецъ знаетъ, что отысканiе, при помощи этихъ средствъ, клада сопряжено съ погибелью души и потому отрещивается отъ нихъ.

Бродятъ также по свѣту неотомщенныя тѣни погибшихъ отъ тайной руки убійцы и требующiя мщенiя, равно такiя, надъ которыми не былъ почему либо совершенъ обрядъ погребенiя. Въ существованiе сихъ послѣднихъ тѣней вѣрили и римляне (*Гораций, кн. I, ода 28, въ которой говорится о тѣни философа Архиты*).

Но самыми зловредными тѣнями были *утыи* или *валпиры*, которые проникали ночью въ человѣческiя жилища и высасывали людскую кровь. Такiе духи назывались по-жмудски *Вемисъ*, а по-латышски *Келмс* (Нарб., 357). Для уничтоженiя этихъ злыхъ духовъ, народное творчество придумало много якобы самыхъ дѣйствительныхъ средствъ.

Они тождественны въ сказкахъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

II.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО.

Народнымъ творчествомъ нельзя назвать сочиненій разныхъ ученыхъ писателей и поэтовъ, хотя бы сочиненія ихъ и были писаны народнымъ языкомъ и въ народномъ духѣ. Всѣ подобныя произведенія всегда будутъ чѣмъ-то дѣланымъ, не самороднымъ, не первобытнымъ. Истинное народное творчество живетъ въ самомъ народѣ и познается по тому только, что оно не имѣетъ никакихъ ученыхъ формъ, никакихъ границъ и почвы для фантазіи, а верѣдко даже и смысла, тогда какъ дѣланая поэзія, на какой бы фантазіи она не строилась, немыслима безъ послѣдовательности и строгихъ логическихъ законовъ. Народныхъ поэтовъ быть не можетъ. Поддѣлывающіеся подъ народную музу поэты суть только собиратели поэзіи, которые заключаютъ ее въ свои риторическія формы и показываютъ намъ алмазы, уже очищенные отъ природной ихъ коры. Они отличаются отъ составителей разныхъ сборниковъ народнаго творчества тѣмъ, что составители даютъ намъ сырой матеріалъ, не перегнанный чрезъ реторты логики и риторики—и заслуга послѣднихъ, конечно, дороже для этнографіи. Истинные народные поэты живутъ въ самомъ народѣ,